

Б.А. Суворин

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОХА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ 1917-1918 гг.

• ОКАЯННЫЕ ДНИ •

Окаянные дни (Вече)

Борис Суворин

**Героическая эпоха
Добровольческой
армии 1917—1918 гг.**

«ВЕЧЕ»

1922

Суворин Б. А.

Героическая эпоха Добровольческой армии 1917—1918 гг. /
Б. А. Суворин — «ВЕЧЕ», 1922 — (Окаянные дни (Вече))

ISBN 978-5-4484-8084-3

Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) – русский журналист, писатель, издатель, участник Белого движения. Сын известного журналиста и издателя Алексея Суворина. В предлагаемой книге, впервые изданной в Париже в 1922 г., Суворин рассказывает о первоначальном периоде Добровольческой армии – основании, первом легендарном Кубанском походе и событиях с ноября 1917 по ноябрь 1918 г. В предисловии он пишет: «Пусть мой читатель не ищет в моих очерках истории или исторических мемуаров. Я настаиваю на том, что это только “впечатления” журналиста, близкого свидетеля этой, мало знакомой читателям, героической эпохи Добровольческой армии, подвиг которой оценят когда-нибудь много позднее... Я надеюсь, что в моих очерках читатель найдет только то, что я ему обещаю – только подлинные впечатления русского человека, которому Бог послал великое счастье разделить великие испытания, на которые позвали нас Алексеев и Корнилов».

ISBN 978-5-4484-8084-3

© Суворин Б. А., 1922
© ВЕЧЕ, 1922

Содержание

Предисловие	5
I. Два бриджа	6
II. Рождение армии	10
III. Каледин и казачество	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Борис Суворин

Героическая эпоха

Добровольческой армии 1917–1918 гг

Предисловие

Четыре года разделяют нас от того дня, когда безумная чернь, предводительствуемая кучкой фанатиков и пришлых, чуждых России, захватчиков власти, воцарилась над нашей несчастной, потрясенной бездарной революцией, Родиной.

С тех пор мне пришлось связать свою жизнь с той Армией, которая три года честно боролась против красного засилья на Юге России. Мы знали и радость победы и горечь тяжких разочарований.

Эти три года можно разделить на три определенных периода. Первый героический период эпопеи ген. Алексеева и ген. Корнилова, который закончился вторым Кубанским походом и смертью основателя Армии ген. Алексеева, второй период борьбы ген. Деникина и третий борьбы ген. Врангеля в Крыму.

Есть и четвертый период великого страстотерпения Армии на чужбине.

В этой книге я касаюсь только первого периода – основания Армии, первого легендарного Кубанского похода и событий с ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г.

Пусть мой читатель не ищет в моих очерках истории или исторических мемуаров. Я настаиваю на том, что это только «впечатления» журналиста, близкого свидетеля этой, мало знакомой читателям, героической эпохи Добровольческой Армии, подвиг которой оценят когда-нибудь много позднее.

Моя цель была рассказать то, что я видел и что слышал. Я не историк и не критик.

Как казались мне эти события, иногда крупные и исторические, иногда просто незначительные эпизоды, такими и заносил я их в свою записную книжку.

Эти скромные записные книжки, с которыми я не расстаюсь, и дали мне возможность набросать в этой книге впечатление о тревогах и мучениях, о редких радостных днях и о том могучем духе, который царил в наших вождях и в их маленькой героической Армии.

Я не хочу судить; придут после меня более осведомленные люди и скажут всю правду об этой удивительной эпопее. Я же надеюсь, что в моих очерках читатель найдет только то, что я ему обещаю, – только подлинные впечатления русского человека, которому Бог послал великое счастье разделить великие испытания, на которые позвали нас Алексеев и Корнилов.

Париж, 15 октября.

Бор. Суворин.

І. Два бриджа

Я никогда не был игроком, хотя едва ли есть игра, в которую я не играю или не мог бы играть, но бридж, который обыкновенно заставляет меня после трех или шести роберов зевать и искать попутчика в места, где не нужно думать о тузах, королях, дамах и валетах, об онерах и «бескозырей», все-таки сыграл в моей жизни удивительную роль.

Дважды случайно в бридж я проставил свою жизнь и оба раза случайно выиграл.

17 ноября (1 декабря) 1917 года вечером меня посетил Г. Щетинин, который предложил мне от имени генерала Алексеева, который уже был на Дону, приехать к нему в Ростов-на-Дону и там стать во главе большой антибольшевистской газеты.

Наши газеты и «Новое Время» и «Вечернее Время» были уже закрыты большевиками. Я не принимал участия в искусственных образованиях, названных «Утро» и «Вечер», которые должны были заменить дорогие для меня названия. Большевики меня как-то забыли, и я не торопился уезжать. Тогда у нас царила уверенность в том, что власть Ленина и Бронштейна совершенно наносное и не длительное явление.

Глубоко чтя нашего великого мудреца ген. Алексеева, гордый его выбором, я немедленно согласился. Мы уже стояли в передней, прощаясь, когда зазвонил телефон.

«Типография захвачена большевиками, газеты больше не выйдут», – говорил чей-то взволнованный голос.

Надо было выяснить положение, и я спешно покинул свой «home», чтобы больше никогда к нему не возвращаться.

Тогда я и не думал о такой возможности. Я просто ехал к нашему управляющему А.И. Грамматикову, к которому я был, кстати, приглашен на бридж, чтобы посоветоваться, что нам делать, и передать ему известие о моем отъезде. Я и он фактически стояли тогда во главе всего нашего огромного дела, с такой любовью разрушенного впоследствии большевиками.

Мой извозчик Иван, с которым я не расставался почти двадцать лет, величайший и скрытнейший из всех моих поверенных, ждал меня. Дорога была прекрасная. Было холодно и снежно.

Мелкой в три ноги – такая у Ивана была повадка – шла некрупная кобылка. Покачивался на облучке на тугих вожжах мой Иван, которого я больше не видал с этой памятной ночи. По пустой Сергиевской, обрамленной особняками, по прекрасной, несравненной набережной вдоль мощной, даже скованной, Невы, мы проехали с ним через Троицкий мост и очутились, минуя наш кусочек «Champs-Elisses», как я его называл, на Каменноостровском проспекте.

Мой друг был человеком большой решимости и немедленно поехал в пасть льву в Смольный, где заседали наши новые владыки, за объяснениями, а мы сели играть в бридж.

Прошло часа два, пока Грамматиков не вернулся и не выяснил мне, что действительно наша типография и дома захвачены, и мы должны быть арестованными. Он сам видел бумажку о своем аресте, но с презрением заявил малограмотному солдату, что он сам приехал в Смольный по важным делам и что незачем приставать к нему с пустяками. Солдат, сам не веря еще своей власти, подчинился, и Саша, как звали мы его, спокойно вернулся к нам.

Но было уже поздно. Надо было или ехать домой, или оставаться ночевать у гостеприимного хозяина. Это было не новостью с порядками нашей «Великой бескровной Революции», выкинувшей нам Керенского и через неполных девять месяцев разрешившейся близнецами Лениным и Бронштейном.

Саша уговаривал меня остаться, но я решил так. Если Иван меня ждет, я еду домой, если же нет, я остаюсь.

В той игре случайностей, в которую ввязалась моя жизнь, судьба захотела, чтобы мне повезло, и мой милый Иван, не стерпев мороза, уехал к себе, чтобы на другой день подать мне на мою Кирочную № 40.

Где ты, мой милый, хороший Иван, со своим незыблемым спокойным красивым русским лицом? А он был эстонцем!

Утром в 7 часов меня разбудил мой секретарь. У меня был обыск. Меня ночью приходили арестовать матросы, как называл их Бронштейн, краса и гордость русской революции, за то, что они расстреливали своих беззащитных офицеров. Дом мой оцеплен.

«*Ce l'ais chape'belle*», как говорят французы. Мой первый бридж с большевиками был выигран.

Остаться дальше у Грамматикова нельзя было, и я, не скажу, чтобы вполне спокойно, пешком прошел к одному верному другу, которого, как и многих других из уважения к юстиции товарищей, я не назову.

Через дней пять я уже был в Москве, где должен был ждать дальнейших указаний от нашей южной организации. За это время мои большевистские коллеги «распечатали» объявления о том, что я арестован и посажен в тюрьму Кресты.

Никогда на моей памяти журналиста эта утка не показалась мне такой подходящей к моему положению, и поэтому товарищи, слепо верившие в свою печать, бросили искать меня и мне не надо было скрываться.

Да, кроме того, какой я конспиратор! Я жил в Москве более или менее открыто и только перешел от общей залы любимого ресторана в кабинет, и то под угрозой метрдотеля не дать мне вина, если я не подчинюсь его требованию.

«*Je m'inclinais*».

Вот тут-то в Москве я увидел то удивительное честное отношение, которое Cloude Fouere так очаровательно описал в своих «*Petite allies*». Я спокойно жил, а когда мне неожиданно по приказу с Дону пришлось уехать, не простившись с милой хозяйкой моего гостеприимного крова, я нашел свой чемодан, полный закусок, пирогов и вина. Мой поезд был последним, выходящим в Ростов-на-Дону с вагоном Международного общества.

Не уверенная в себе, выкатившая с Кавказского фронта чудо-дезертиров, Совдепия не решалась еще резко порвать с донскими казаками, а слова «Интернационал» действовали магически на разнузданную толпу, убежденную в том, что в этом международном вагоне и ездит тот «Интернационал», которому теперь поцеловали руку европейские коммунисты! О, эти *talons rouges*, как похожи вы на эту отвратительную дикую толпу, пугавшуюся слов «Интернациональный вагон». Однако и среди этих, потерявших облик воинский и человеческий людей, нашелся один молодой вольноопределяющийся еврей, комиссар, ехавший на Кавказ в Баку. Он ворвался в наш вагон и очутился в нашем купе. Нас стало четверо. Один офицер, я, один из служивших в нашей типографии и большевик. Я ехал с документами метранпажа и ни в чем, казалось мне, не возбудил подозрения своего опасного соседа. Однажды только он удивился тому, что я был в Америке, но, будучи уверен в его неопытности, я легко убедил его в том, что метранпаж — это должность фактического помощника управляющего типографией, и я был послан туда за машинами. Я немедленно открыл свои запасы яств и напитков представителю новой власти, который снизошел до них.

В одном из соседних купе ехали два моих знакомых, оба с сиятельными именами. Каким-то образом у них бумаги были в порядке и они не вызывали подозрения у большевиков.

Мы уже проехали почти все опасные места. Оставалась узловая станция Лиски. Следующая станция некоторого значения Чертково, как известно было мне, была в руках казаков. Между ними было нечто вроде нейтральной зоны. Мой комиссар об этом ничего не знал и твердо был уверен, что и Ростов и Новочеркасск уже находятся в руках большевиков. Я не разубеждал его в этом заблуждении.

И вот не доезжая Лиски, Кн. О. предложил мне сыграть с ним и с Гр. Г. в бридж. Наш комиссар просил разрешения посмотреть на игру. Мы конечно согласились. Мои партнеры были предупреждены, что моя фамилия вовсе не Суворин, а Мякин, и мы сели играть.

Это был мой второй бридж с большевиками. О. вел счет, и после первого робера выяснилось, что я выиграл.

«О. проиграл А., – заявил он. – Г. проиграл, а Суворин выиграл...» – и он остановился.

«Одиннадцать», – пришлось мне сказать, и я не помню, прибавил ли я ему несколько пожеланий.

Мой комиссар обвел всех удивленными глазами и вышел. Думать оставалось очень мало времени. Мы подходили к Лискам, как и все станции, запруженной «усталыми» солдатами, которые теперь четыре года борются с «контрреволюцией» под флагом Бронштейна. Надо было принимать какое-нибудь решение. Я решился взять быка за рога и подошел к моему комиссару.

«Да, действительно я Суворин, – сказал я ему, – но прошу вас меня не выдавать».

На чем я основывал свою просьбу, я не знал, я говорил о том, что я даром не дамся, что вообще не нужно выдавать людей, вообще что-то говорил несуразное.

«Но ведь писали, что вы арестованы», – сказал он мне несколько растерянный.

«Мало ли что пишут в газетах, – ответил я. – Но я прошу вас меня не выдавать».

Он вдруг завернулся в тогу благородства и весьма высокомерно заявил мне, что хотя я его политический враг, но он никогда не занимался доносами и т. д.

В это время мы подъезжали к Лискам. Я ушел в свое купе, обдумывая свое дурацкое положение, в которое поставил меня О. Комиссар ушел на станцию. Я не помню, сколько времени стояли мы в Лисках, но знаю, что эта остановка была для меня ужасно тяжелая. Быть в нескольких часах от «пределов досягаемости» и вдруг из за какого-то бриджа рисковать жизнью. У О. была старая польская водка, и мы с помощью закуски нашей «petitealliee» стали ее уничтожать. Но вот вдруг явился комиссар с бутылкой молока и бубликами. Мы не сразу поверили ему, но тут прозвучали звонки и мы тронулись.

Мы стали чествовать нашего комиссара. Чувство прошедшей опасности подняло настроение, и наперебой старались мы напоить большевика. Это было не трудно. Он был из слабеньких еврейчиков, а «старая водка» О. была очень жестокая. Вскоре мы уложили его спать и, выпив несколько стаканов за мое избавление от опасности, поругав О. за его ненужную откровенность, мы тоже отошли ко сну.

* * *

Рано утром мы были в Черткове. Когда я взглянул в окно, я увидел бравого казацкого вахмистра с чубом, с фуражкой на ухе и с серьгой в левом ухе. Я все понял.

Мы были вне сферы досягаемости.

Быстро я достал из сапога свои настоящие документы и бросился в коридор. В это время меня кто-то тронул за плечо.

Сзади меня стоял бледный комиссар. Он был в погонах старшего унтер-офицера. Он был так несчастен и бледен, что ему многого не пришлось мне говорить, и я уверил его, что мы его не выдадим. Несколько часов тому назад он мог выбросить меня на растерзание солдатской черни, теперь он был в моих руках.

Моя биография двигалась с бессмысленной быстротой и непоследовательностью кинофильтона.

Мой второй бридж был вновь выигран. Оба раза, в лучшем случае, тюрьма была совсем близко, в первый раз бридж меня спас, во втором чуть-чуть не погубил, но все-таки я его выиграл. Вот тут и делайте выводы: надо или не надо играть в бридж?

Комиссару я предложил вернуться к большевикам в Царицын, не желая его пускать в маленький Новочеркасск. Он с радостью меня послушался.

Поздно ночью мы шли в гору Новочеркасска, и я проснулся на другой день в Армии, с которой мне не пришлось расставаться почти до самого конца ее существования на Юге России.

II. Рождение армии

Новочеркасск, столица Дона, построен на высокой горе, увенчанной прекрасным злато-главым собором. Говорят, что какой-то ревнивый атаман построил здесь свой город, чтобы лучше охранить свою возлюбленную. Казаки любят поэтические легенды, и песни их, всегда почти связанные с войной, полны удивительной поэзии и какой-то полувойенной, полулюбовной музыкальности.

Этот казачий город был восприемником Добровольческой Армии. Все, кто причастился этому великому движению, кто попал в первые дни ее существования, помнят небольшое, совершенно заполненное помещение на Барочной ул. 26, где была главная квартира ее основателя ген. Алексеева.

Генерал Алексеев, бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего, находился в Петрограде во время восстания большевиков, в конце октября. Он был призван из Смоленска, где он отдыхал среди своей семьи после тяжелых трех лет войны и почти года нравственных страданий, которые принесла ему революция, как и всем честным военным, не собиравшимся делать себе карьеры на демагогии и заигрывании с солдатской чернью.

Благодаря настойчивости генерала М.В. Алексеева, из Бердичева, где был заточен Керенским ген. А.И. Деникин, удалось перевести ген. Деникина в Быхов (Могилевский), где содержался под стражей другой герой нашей Армии – ген. Корнилов.

Чтобы ни говорили наши социалисты, факты всегда останутся фактами, и они принуждены будут признать когда-нибудь, что лучшие русские люди не могли служить при них и что лучших генералов они просто сажали в тюрьму. Народный социалист Иорданский держал генерала Деникина в Бердичеве и заставил его подвергаться оскорблениям и смертельным угрозам со стороны грязной разнузданной толпы, среди которой торжествовал этот комиссар.

Честная русская печать, благодаря ген. Алексеву, заставила Керенского и его социалистическое ирравительство перевести ген. Деникина в Быхов, что способствовало впоследствии его бегству в Добровольческую Армию. Останься он в Бердичевском застенке, и нет сомнения, что он погиб бы жертвой этой черни, на которую опирались в мечтах Керенский и его клика. У меня лично есть основание предполагать, что в деле перевода ген. Деникина в Быхов некоторую благоприятную роль сыграли союзные миссии.

Ген. Алексеев приехал в Петроград вследствие приглашения от Армии участвовать в предварительном собрании (что-то вроде репетиции Учредительного собрания), в так называемом предпарламенте. В то же время с кружком верных людей он энергично занялся организацией офицерских кадров, которые могли бы дать возможность возродиться если не всей разлагающейся Армии, то тем ее элементам, которые не могли не видеть, в какую бездну позора ведет их юмористический «главнокомандующий» Керенский, трус и неврастеник, и неминуемый большевизм.

Предпарламент был разогнан большевиками 27 октября, и только «оплошность» большевистского офицера не дала им возможности арестовать нашего вождя, который настойчиво приказывал пропустить себя в Мариинский дворец, уже занятый большевиками.

Друзья генерала с большими трудностями уговорили его скрыться и, благодаря настойчивости и энергии его адъютанта ротмистра Кирасирского (Его Величества) полка (ныне ген. – майора) Шапрона дю Ларре и удивительной русской женщины И.П. Щетининой, ему удалось добраться до Новочеркасска.

Генерал ехал на Дон под видом купца. Он не был способен к конспирации и чуть ли не в первый же день пути кондуктор, знавший его, уже назвал его «Ваше Высокопревосходительство». На удивленный вопрос генерала, откуда его знает кондуктор, тот отвечал ему, что как же ему не знать начальника штаба Государя, да кроме того в открытом чемодане «купца» лежал

китель с погонами генерала от инфантерии. Я надеюсь, что когда-нибудь генерал Шапрон расскажет нам о первых шагах в деле основания Добровольческой Армии и о глубокой патриотической работе покойного ее вождя и основателя.

Желая строго держаться плана своей книги именно только изложения своих личных впечатлений журналиста, я не хочу затрагивать сферу деятельности нашего гениального вождя, более точно известную его близким людям.

Ген. Алексеев 2 (15) ноября 1917 года прибыл в Новочеркасск. Этот день принято считать днем основания Добровольческой Армии, хотя название «добровольческой» она официально получила в конце декабря. По странной игре судьбы последние остатки нашей армии в 1920 году покинули Крым тоже 2 (15) ноября 1921 года. Итак, от первых дней трудов ген. Алексеева до ухода ген. Врангеля прошло ровно три года – 1096 дней борьбы, лишений, унесших столько благородных жизней.

Среди тех, которые положили начало Армии, нет ни ген. Алексеева, ни Корнилова, ни Каледина, ни Маркова, но русская Армия никогда не забудет этих святых имен, и навсегда они останутся тем светочем, за которым пойдут наши будущие военные поколения.

Как я писал уже, я был вызван ген. Алексеевым, который предлагал передать мне организацию печатного органа в Ростове. Но в это время Ростов был в руках большевиков и я не подымал об этом разговора.

Перед моим отъездом из Питера я принял поручение от казачьего союза, переданного мне есаулом Самсоновым. Нужно было подробно расспросить ген. Алексеева, что он думает о положении в казачьих землях, и дать союзу отчет.

Я никогда не забуду этого интервью, или вернее лекции, которую прочел мне наш мудрый старик. Все положение было совершенно ясным для меня после него, и теперь, вспоминая мои три года, проведенные с армией, я вижу, как тогда уже правильно понял казачью психологию ген. Алексеев и как метко охарактеризовал он многих из его деятелей, проявивших свое истинное лицо много, много позднее.

Генерал не рассчитывал на подъем казачества. Он отдавал должное высокому чувству долга Каледина, блестящего генерала и выборного атамана Донского войска, но он видел, что его старания поднять казачий дух не могут увенчаться тем успехом, который можно было ожидать. Он очень симпатично отзывался о Митрофане Богаевском, прекрасном ораторе, искреннем казаке и русском человеке, но боялся того, что его утопят в демагогической болтовне, которая стала так захватывать и казачьи политические организации. Очень характерным было одно его сравнение. «Знаете, – говорил он, – когда говоришь с казаками, вечно боишься наступить на какую-то казачью мозоль, обойти их трудно, потому что эти мозоли везде».

Каледин застрелился в конце января 1918 года, видя неминуемое разложение казачества, а Богаевский был подло расстрелян большевиками без суда в Нахичевани около Ростова в марте того же года.

Ген. Алексеев говорил и о кубанцах. Они, пожалуй, крепче донцов, но эти так называемые самостийные группы (он очень резко отзывался о Быче и братьях Макаренках) играют в скверную политику личных честолюбий.

Терцы были, по его словам, крепче других, но они мало были организованы и их атаман Караулов – человек, хотя и смелый, но недостаточно сильной воли, чтобы подчинить их своему влиянию.

Через месяц или два Караулов, член Г. Думы нескольких созывов, был убит солдатской чернью, дезертировавшей с Кавказского фронта.

У меня, к сожалению, не сохранились во время моих скитаний мои дневники первых дней моей жизни на Дону, и я, боясь ошибиться, не стану настаивать на других подробностях этого интервью. Впрочем, не могу не указать на то, что ген. Алексеев, говоря о видном социалистическом казачьем деятеле, хорошем ораторе, игравшем, к сожалению, крупную роль среди

казачества, Павле Агееве, высказался в том смысле, что он является опаснейшим деятелем в казачестве. Вся деятельность Агеева только доказала справедливость мнения генерала, но только в 1920 году Агеев был объявлен изменником казачеству, когда он уже перестал скрывать свое политическое лицо.

Во время моего разговора с ген. Алексеевым явился ординарец и доложил ему, что наши войска уже вошли в Нахичевань.

«Сегодня будем в Ростове», – сказал генерал и перекрестился, мы последовали его примеру. На этом счастливым известии я расстался с генералом, и через час или два в Новочеркасске было получено радостное известие о том, что наши войска, имея во главе атамана Каледина, вошли в Ростов и что большевики, несмотря на помощь матросов Черноморского флота, стремительно бегут.

Но позвольте вам рассказать, чем была наша «армия», которая смогла взять Ростов, ее было бы смешно так назвать, если бы в ней не было, несмотря на всю ее малочисленность, того высокого духа, который заставлял ее делать чудеса.

С ноября месяца отовсюду из России на Дон, где гремело имя атамана Каледина, к казачеству, которому верили все патриоты, стали стекаться офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты, студенты и семинаристы. Каким-то образом распространилось известие о том, что там уже ген. Алексеев и что туда ждут Корнилова, бежавшего из Быхова, во главе своих верных текинцев.

Многие из этих молодых людей погибали в дороге от руки потерявшей голову большевистской черни, на станциях жел. дорог и в пути, но ничто не останавливало горячего патриотизма этой прекрасной молодежи, покрывшей себя неувядаемой славой.

* * *

Как-то раз я вышел из своей гостиницы. В гору поднималась кучка кадет. Старшему было не больше 17-ти лет, другим лет 14–15. Они нерешительно подошли к гостинице и, не доверяя «штатскому» («вольному», как говорили солдаты), стали рассматривать список живущих в гостинице. Я вернулся и спросил их, что им нужно. «Мы ищем Г-на Х.», – и они назвали первое попавшееся имя, которого, конечно, не было в списке.

«А вы разве не ищите Армию ген. Алексеева?» – спросил я. Глаза их загорелись прекрасным молодым блеском. Впереди стоял мальчик в знакомом мне мундире.

«Вы кадет Михайловского Воронежского корпуса? Мой отец был кадетом первого выпуска вашего корпуса».

Лед растаял. «Так точно!» «А я Орловского корпуса», «я Московского», – и они весело сознались, что именно приехали из разных мест России, чтобы поступить в Армию ген. Алексеева и Корнилова.

Как пробирались эти милые дети, как бросили они свои семьи, как нашли они после многих трудов эту обетованную Армию!

Я дал им адрес штаба, но раньше посоветовал им пойти на гауптвахту, которую охраняли тоже кадеты (!) Новочеркасского корпуса, чтобы там их казачьи товарищи накормили их.

Также слеталась сюда другая молодежь.

Офицеры Армии занимали места в строю рядовыми рядом с маленькими кадетами и великовозрастными семинаристами. У всей этой молодежи был один порыв, одна мечта – жертвовать собой для Родины. Этот дух и вел к победе, и этим только и объяснялись успехи этой кучки людей в борьбе с врагом, в десятки раз сильнее. Святая любовь и вера в своих вождей вела их от одного подвига к другому. И этим, повторяю, мы обязаны были именно их благородной и чистой молодости.

Старшее поколение думало не так. Я не говорю о военных, я говорю о тех, кто равнодушно смотрел на гибель и жертву этих лучших отпрысков русской молодежи.

Трагедия «Отцов и детей» встала с необычайной яркостью перед нашими глазами.

Как-то раз ген. Алексеев присутствовал при похоронах нескольких убитых мальчиков. На их могиле он сказал:

«Я вижу памятник, который Россия поставит этим детям. На голой скале разоренное орлиное гнездо и убитые орлята. А где же были орлы?»

Это трагическое восклицание останется навсегда памятником подвигу молодости и равнодушию старшего поколения.

Когда после взятия Ростова Армии понадобились деньги, то богатейший многомиллионный Ростов собрал что-то около тысячи рублей, а когда в Ростов вошли большевики, ростовцы на блюде поднесли им 2 миллиона.

Как-то много позднее, когда летом 1918 года мы вернулись в Ростов, я отправил своего сотрудника к одному крупному общественному и финансовому деятелю переговорить с ним об оказании помощи Армии.

Он был очень предупредителен и дал целый ряд указаний.

«Мой сын гимназист (или студент) сам в Добровольческой Армии, был два раза ранен, но опять возвращается в строй», – сказал он, а потом стал умолять не называть его имени в газете, так как к нему могут плохо отнестись, если «что» случится.

Вот вам образчики нашего молодого фронта и нашего старого тыла.

Армия, которая ушла с Алексеевым и Корниловым в первый незабываемый Кубанский поход, насчитывала не более 3 тысяч человек, а когда в Ростов пришли немцы и приказали всем офицерам явиться для регистрации, их набралось едва ли не вдвое больше.

Я не хочу никого осуждать. Я только хочу подчеркнуть то холодное отношение, которое встретила наша маленькая Армия, что, однако, не могло сломить ее духа и ее веры в Родину.

* * *

У такого предприятия не могло не быть и обратной стороны медали, и она заключалась в том, что вокруг этого святого дела стали слетаться люди, жаждущие авантюры. Еще до приезда ген. Корнилова в нашей гостинице я заметил людей, которые довольно явно старались пробиться к власти, пользуясь именем ген. Корнилова. Во главе их был Завойко, бывший ординарцем у ген. Корнилова, игравший при нем во время Керенщины крупную и не очень выигрышную роль.

Появился Добрынский, таинственный господин, с таинственной репутацией, впоследствии бывший на побегушках у немцев, и даже некий господин М., говоривший о своих миллионах в Париже, мечтавший организовать политическую комбинацию под названием «Рак».

Слагалась она из первых букв имен председателя Думы Родзянко, ген. Алексеева и атамана ген. Каледина. Я предложил ему хотя бы изменить эту неблагозвучную комбинацию на «АКР» или «Кар», но он стоял на своем и вскоре, обиженный общим недоверием, уехал к своим миллионам со своим «Раком».

Съехались и некоторые политические деятели. Приезжал Милуков, тогда еще не уверовавший в необходимость дружбы с немцами, о чем он писал ген. Алексею летом 1918 г. Приезжал Струве и вечный неудачник, до старости оставшийся политическим вундеркиндом, М.М. Федоров. У всех этих деятелей, кроме профессорского таланта Милукова, ничего не было, и их работа в Армии осталась незаметной. Для меня она оказалась крайне неприятной, так как кадеты, подкрепленные своим лидером, не дали мне возможности открыть газету в Ростове, так как они никак не могли допустить мысли, чтобы печать не была бы в их руках. А ведь от них что-то ждали, как и теперь от них кое-что ждут, как от тех молодых людей, которые вечно подают надежды и ничего больше.

Нынешний друг Милюкова, Керенский, тоже как-то прискакал в Новочеркасск, после своего бегства от большевиков, но его никто не принял и он немедленно скрылся с той поспешностью ловкого трансформатора, которая позволяет ему так же неожиданно и выскакивать из русской политической коробки с сюрпризами.

Из других политических деятелей здесь были М.В. Родзянко, И.И. Львов и приезжал Савинков. Родзянко был в личной обиде на ген. Алексеева за то, что тот не призывал его к активной деятельности. И.И. Львов – этот прекрасный образец честнейшего политического деятеля, самоотверженного и глубокого патриота, не ищущего ничего для себя, до самого последнего часа и доньше, когда я пишу эти строки, оставшийся с Армией, как верный ее друг, всегда пользовался общими симпатиями, и только следует сожалеть, что его скромность не позволяет ему сыграть более крупной роли.

Самую интересную роль ждали от Савинкова. Он приехал в январе. У Савинкова был ореол революционного деятеля, за которым могли бы пойти революционные войска. Он не пользовался симпатиями ген. Алексеева, а ген. Корнилов после своего августовского выступления, когда Савинков, во всем поддерживавший Корнилова, остался в стане Керенского и изменил Корнилову, не мог относиться к нему с прежним доверием.

Корнилов пробрался на Дон в середине или в первой половине декабря. Его ждали в Армии, но все-таки его приезд был довольно неожиданным. Этот человек железной воли вышел из Быхова с кучкой своих верных текинцев. Но, попав в окружение, не рассчитывая пробиться, не желая рисковать своими людьми, он распустил их и сам, переодевшись крестьянином, где пешком, где на подводе, где на поезде среди солдат, возвращавшихся с фронта, проклинавших Корнилова за поддержание дисциплины, проехал на Дон.

Он сам рассказывал, как в вагоне его ругали солдаты, не подозревавшие того, что этот маленький мужичонка и есть их бывший Верховный Главнокомандующий.

Несмотря на чувство антипатии, Савинкова все-таки приняли и с ним совещались, но ничего из этого не вышло. Очень скверное на всех впечатление произвел его помощник или адъютант Вендзягольский – тип необычайно самонадеянного и самоуверенного поляка, хваставшийся тем, что за ним пойдут «корпуса». Эти корпуса так и остались в мечтательном распоряжении этого господина, сохранившего от всех тайну своего военного обаяния.

С Савинковым на Дону я встретился два раза. В первый раз это было в маленьком кавказском погребке «Арабат» в Новочеркасске. Познакомил меня с ним мой сотрудник К.

Мы поужинали и говорили о многом. Савинков указывал на недостаточное доверие к нему, незаслуженное, по его словам, со стороны генералов и как будто бы верил в свое влияние и силу. Вендзягольский просто хвастался.

В конце беседы я обратился к Савинкову с вопросом, который крайне меня интересовал и до сих пор интересует.

«Скажите, Борис Викторович, – спросил я, – почему вы, такой специалист этого дела, не организовали убийства Ленина и Троцкого?»

«Почему вы думаете, что я такой специалист?» – ответил он.

«Я читал Ропшина, “Коня Бледного” и “То, чего не было”». – Савинков не сразу ответил.

«Тут были другие», – сказал он.

«Но неужели же мог иметь такое влияние Азеф?»

«Нет, не только Азеф».

«Так неужто же эта бездарность Чернов?»

На это ответа не было, и он переменил разговор, и я так и до сих пор не знаю, почему для наших воинствующих эсеров какой-нибудь царский министр казался такой интересной жертвой и почему большевистские владыки не казались достойными революционной бомбы.

Во второй раз я встретился с Савинковым в гостинице «Нью-Йорк», почему-то в номере Добрынского (или, как он себя называл, хана Татарского). Там был писатель, автор прекрасного

романа «Наше преступление», Родионов и мой сотрудник Е.П. Семенов. Из их разговора я понял, что ничего у Савинкова с генералами не выйдет, да и нет у него ничего серьезного.

Кто меня поразил, так это Родионов, с пеной у рта говоривший об армии и требовавший, чтобы их, казаков, она оставила бы в покое, так как они, казаки, сами справятся с большевизмом. Через месяц он ушел с нашей армией, не доверившись казакам, хотя, вернувшись с нами на Дон, вновь заболел неукротимой и озлобленной казакманией.

Мой друг Семенов оставался тем же неисправимым идеалистом, мечтавшим о всеобщем объединении. Добрынский из кожи лез, чтобы играть роль, Вендзягольский позировал и жонглировал своими корпусами.

Савинков был очень сдержан. Впечатление он произвел на меня довольно сильное. В нем чувствовалось много воли, но в тоже время и неукротимого честолюбия, не знакомого с уступчивостью. Слишком большая пропасть, углубленная корниловским выступлением, разделяла его от наших вождей.

Через несколько дней я ехал в Ростов. На вокзале я встретил Савинкова, которого провожал С.С. Щетинин, близко стоявший к ген. Алексееву. Они холодно простились. Я видел, что Савинков уезжает из армии и больше не вернется.

С тех пор мы уже не встречались.

III. Каледин и казачество

Генерал Каледин был прирожденный военный и настоящий вождь. Коренной казак, скромный офицер, но бывший в гвардии, он одно время занимал довольно незаметное место начальника Донского юнкерского училища. На войне он заставил говорить о себе, как о начальнике 12-й Кавалерийской дивизии, едва ли не лучшей в русской армии, которая всегда справедливо гордилась своей блестящей кавалерией. В нее входили полки: Ахтырский гусарский, Стародубовский драгунский и Белгородский уланский. Как это полагалось, каждой дивизии был придан один казачий полк – Оренбургский. Одно название этих полков для каждого военного русского человека покажет, чего мог достигнуть талантливый начальник с такой частью.

Дивизию эту вскоре уже перестали называть двенадцатой, а называли просто Калединской. Знаменитое Галицийское (так называемое Брусиловское) наступление застает его уже командующим 8-й армией. Он берет Луцк, и ему обязаны мы первыми успехами этого блестящего наступления. Во время революции он был, после ранения, на Дону и громадным большинством избран в атаманы войсковым кругом.

Когда заколебался весь наш фронт и вся армия подверглась разврату керенской и большевистской демагогии, начало которой положило неудачное слабое министерство Гучкова, казачество все еще крепко держалось старых заветов и традиций.

Этот народ-воин, живший по своему особенному укладу, по своим вольным законам, которые близорукое русское правительство любило ограничивать, не мог поддаться так легко большевистской и большевизирующей демагогии. У казаков была своя психология – казачья. Казак был всегда казаком, а не солдатом. Нередко было услышать от казака об офицере регулярной армии, как о «солдатском офицере». Кроме того, казаки были богаче других земледельцев России. Связь их дворянства с простым казачеством была гораздо сильнее, чем в остальной России. Несмотря на то, что военные обязанности лежали тяжелым гнетом на казачестве, казак должен был являться одетым и с конем; целый ряд привилегий охранял его права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.